

Аромат
крови и роз

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вейд Торн
Аромат крови и роз

«Автор»

2026

Торн В.

Аромат крови и роз / В. Торн — «Автор», 2026

Одна сестра стала женой самого опасного мужчины Нью-Йорка. Другая — вернулась, чтобы его уничтожить. Пять лет назад Эвелин Ланкастер умерла, оставив после себя кровь, тайны и мужчину, которого боялся весь город. Пять лет спустя в жизни Джона Ланкастера появляется Кейтлин Рампир — женщина с лицом его покойной жены и взглядом, от которого у него снова начинает рушиться контроль. Она пришла в его мир ради мести. Вот только чем ближе Джон подпускает её к себе, тем опаснее становится правда между ними.

© Торн В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	25
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Вейд Торн

Аромат крови и роз

Пролог

«Тот, кто мстит, роет две могилы». — Конфуций

Шасси мягко коснулось посадочной полосы, и самолёт плавно замедлил ход. Нью-Йорк встретил их серым рассветом и тяжёлым небом, под которым город казался особенно холодным — будто сделанным не из стекла и бетона, а из стали.

Кейтлин Рампир не поднялась сразу. Она сидела у иллюминатора, лениво вращая на пальце кольцо с тёмным аметистом, пока за стеклом медленно выростал Манхэттен — блестящий, дорогой и опасный, как лезвие ножа.

Пять лет назад этот город уже убил её однажды.

На ней была шёлковая блузка глубокого винного цвета, узкая чёрная юбка и тонкие кожаные перчатки. Светлые волосы мягкими волнами спадали на плечи, подчёркивая острые скулы и спокойное, почти безэмоциональное лицо. Со стороны она выглядела женщиной, которая родилась среди частных джетов, бриллиантов и людей, привыкших покупать чужие судьбы.

Но роскошь была всего лишь упаковкой.

За последние годы Кейтлин слишком хорошо научилась собирать себя по кускам перед зеркалом. Боль прятать под тональный крем. Страх — под каблучки. А ненависть — под идеально выверенную улыбку и алую помаду.

— Мисс Рампир, мы прибыли, — мягко произнесла бортпроводница.

Кейтлин подняла взгляд и едва заметно улыбнулась. От такой улыбки людям обычно становилось не по себе.

Она открыла маленькую пудреницу, поправила помаду и защёлкнула зеркало. Короткий металлический щелчок прозвучал в тишине салона почти как затвор пистолета.

— Спасибо, Эмили.

Напротив неё сидела Вивиан — женщина, рядом с которой большинство мужчин начинали говорить осторожнее. Угольный брючный костюм сидел на ней безупречно, тёмный жемчуг подчёркивал длинную шею, а идеально собранные волосы открывали лицо с жёсткими, красивыми чертами. Со стороны она могла сойти за адвоката крупной корпорации или советника политика. Но Кейтлин слишком хорошо знала, насколько обманчивой бывает внешность.

Планшет в руках Вивиан едва заметно вибрировал от входящих сообщений.

— До отеля двадцать семь минут, — спокойно сказала она. — Скачки начинаются в четыре. Люди Ланкастеров уже на месте.

При этой фамилии воздух в салоне будто стал тяжелее.

Кейтлин медленно сняла очки и посмотрела на Вивиан.

— Все сёстры в сборе?

— Клара у бара. Амелия встроена в персонал. Лили ведёт наружный периметр. Остальные ждут сигнала.

На несколько секунд повисла тишина. За окном самолёта двигалась техника аэропорта, мигали огни, гудели двигатели, но внутри всё оставалось странно неподвижным.

Кейтлин снова перевела взгляд на город.

Когда-то Нью-Йорк знал её под другим именем.

Эшли Кросс.

Эшли снимала дешёвые чулки в прокуренной гримёрке. Эшли возвращалась домой по грязным улицам и засыпала под полицейские сирены. Эшли ещё верила, что любовь может кого-то спасти.

Нью-Йорк быстро объяснил ей, насколько это смешно.

Эшли похоронили здесь пять лет назад — вместе с её страхами, надеждами и всем, что делало её живой. То, что вернулось сегодня, больше не умело быть слабым. Эта женщина носила дизайнерские каблуки, летала частными джетами и смотрела людям в глаза так, будто заранее знала, как именно они однажды сломаются.

— Хорошо, — тихо произнесла Кейтлин. — Тогда начнём.

Она поднялась с кресла плавно, без суеты. Шёлк скользнул вдоль её ног, и Вивиан невольно задержала на ней взгляд. За годы рядом с Кейтлин она усвоила главное: её спокойствие никогда не означало безопасность.

Это было спокойствие человека, который уже решил уничтожить кого-то до основания.

Дверь самолёта открылась, впуская внутрь влажный воздух, запах раскалённого металла и далёкий шум просыпающегося города.

У трапа уже ждал чёрный лимузин с затемнёнными стёклами. Шофёр склонил голову в приветствии.

Кейтлин задержалась на верхней ступеньке, медленно окидывая взглядом Нью-Йорк.

Дорогой. Грязный. Голодный.

Город, где её сестра когда-то была счастлива. Город, где её сестра умерла.

Медленная улыбка тронула её губы.

Она вернулась не за воспоминаниями. И уж точно не за прощением.

Она вернулась, чтобы вскрыть эту семью изнутри. Вытащить наружу всё, что Ланкастеры годами прятали под дорогими костюмами, благотворительными фондами и улыбками для Forbes. А потом по кускам отобрать у них всё, чем они дорожили.

Даже если вместе с ними сгорит последнее человеческое, что ещё осталось внутри неё.

Глава 1

Пять лет назад. 10 июня. Бруклин, Нью-Йорк

— Эшли, ты его совсем не знаешь. Он — лучшее, что случилось со мной.

Я медленно выдохнула, сжимая пальцами горлышко бутылки с вином. От её голоса внутри всё стянуло так резко, будто кто-то провернул под рёбрами тупой нож.

За окном гудел Бруклин. Июньская жара уже вползала в квартиру через старый кондиционер, который работал через раз и дребезжал так, словно собирался умереть прямо сегодня. Где-то на улице ругались соседи, хлопнула дверца машины, вдалеке завывла сирена.

Обычный вечер.

Только Эвелин в моей квартире всегда выглядела чем-то чужим. Слишком красивым для этого места.

Она сидела напротив меня на продавленном диване, поджав под себя ноги. Светлое платье мягко скользило по её коленям, тонкие пальцы с кольцами обнимали бокал, а в глазах сияло то самое выражение, которое я ненавидела сильнее всего.

Женщина, которая уже начала растворяться в мужчине.

— Господи, Эвелин, — устало сказала я. — Купи билет на Бали, арендуй яхту, потрать ещё пару тысяч на свои курорты и дизайнерские сумки. Но не связывайся с этим человеком.

Она тихо рассмеялась.

— Ты говоришь так, будто я встречаюсь с серийным убийцей.

Я посмотрела на неё поверх бутылки.

— А разве нет?

Улыбка не исчезла с её лица. Наоборот — стала мягче. Хуже.

— Он любит меня.

Вот так просто.

Как будто этого достаточно.

Я отвела взгляд к окну, потому что смотреть на неё в такие моменты было почти больно. Мне никогда не было знакомо это спокойное, безоговорочное доверие к кому-то. Ни любовь. Ни ощущение, что рядом с мужчиной можно расслабиться и перестать ждать удара.

Моя жизнь давно свелась к простым вещам: заработать деньги, не влипнуть в неприятности, не оказаться избитой каким-нибудь уродом из клуба и дожить до следующей недели.

А Эвелин всё ещё умела любить так, будто мир не способен её сломать.

Наверное, именно поэтому я постоянно ждала момента, когда он всё-таки сломает.

— Он скоро сделает мне предложение, — тихо сказала она.

Я замерла.

Секунду просто смотрела на неё, пытаюсь понять, шутит она или нет. Но Эвелин выглядела абсолютно серьёзной. Даже счастливой.

Это пугало больше всего.

— Эш — она улыбнулась, опуская глаза в бокал. — Когда я рядом с ним, у меня будто отключается голова. Я вообще ни о чём не могу думать.

Я невесело усмехнулась.

— Да, это обычно плохо заканчивается.

Она закатила глаза, но ничего не ответила. Вместо этого потянулась ко мне через стол и сжала мою руку.

Холодные пальцы. Мягкая кожа. Дорогие кольца.

Мы были похожи настолько сильно, что иногда люди пугались. Одно лицо. Один взгляд. Одинаковые скулы, губы, поворот головы.

Только жизнь разрезала нас пополам ещё в детстве.

Эвелин пахла дорогим парфюмом, свежими цветами и роскошью. Я — сигаретным дымом, дешёвым виски и ночным клубом.

Иногда мне казалось, что нас вообще не могли родить одни родители.

За окном мигнули полицейские огни, и меня резко дёрнуло воспоминанием.

Мне снова было девять.

Выстрелы внизу прогремели так громко, что задрожали стены. Эвелин вцепилась в меня мгновенно — маленькая, испуганная, с огромными глазами. Мы спрятались в шкафу ещё до того, как мама начала кричать.

Я до сих пор помнила этот звук.

Не сам крик даже, а то, что было в нём. Животный ужас человека, который уже понимает, что сейчас умрёт.

Эвелин дрожала у меня под боком, шепча какую-то детскую считалочку, а я закрывала ей уши ладонями и врала.

«Всё будет хорошо».

Наверное, я научилась врать именно в тот вечер.

Тяжёлые шаги тогда остановились прямо у двери нашей комнаты. Скрип половиц. Чужое дыхание за стеной.

Я помнила, как перестала дышать.

Помнила запах крови, когда мы вышли из шкафа.

Помнила, как тащила Эвелин вниз по лестнице, стараясь закрыть ей глаза рукой.

С тех пор у меня осталось только одно настоящее желание — не дать миру добраться до неё снова.

— А ещё он любит, когда я пою, — тихо сказала Эвелин, возвращая меня обратно в комнату. — Говорит, у меня голос как у ангела.

— Если он хоть пальцем тебя тронет, я его убью.

Слова вырвались раньше, чем я успела смягчить тон.

Она тяжело вздохнула.

— Ты даже не пытаешься дать ему шанс.

— Потому что такие мужчины не меняются, Эвелин.

Она откинулась на спинку дивана, внимательно глядя на меня.

— Ты говоришь так, будто знаешь его.

Нет. Я знала таких, как он.

Мужчин, привыкших решать всё деньгами, властью и страхом. Мужчин, рядом с которыми женщины сначала чувствуют себя особенными, а потом — собственностью.

Я слишком часто видела это в клубе.

Сначала подарки. Машины. Украшения. Защита.

Потом контроль.

А потом женщина уже не понимает, когда именно перестала принадлежать себе.

— Он не должен знать обо мне, — тихо сказала я.

Эвелин сразу напряглась.

— Эшли

— Нет. Даже не начинай. Ты обещала.

Она раздражённо поднялась с дивана и подошла к окну.

— Иногда мне кажется, что ты стыдишься меня.

Я резко посмотрела на неё.

— Что?

— Ты ведёшь себя так, будто наша связь — это какая-то грязная тайна.

Я устало провела ладонью по лицу.

— Потому что моя жизнь и есть грязная тайна, Эвелин. И если кто-то узнает, что у меня есть сестра, тебя начнут использовать против меня. Особенно такие люди, как твой Джон.

Она резко обернулась.

— Он не такой.

— Все они «не такие», пока не становится поздно.

Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга.

Одинаковые лица. Одинаковые глаза.

И абсолютно разная жизнь между ними.

— Ты можешь уйти из клуба, — тихо сказала она. — Я перевожу тебе достаточно денег.

А Джон вообще может решить любую проблему.

Вот тут внутри у меня всё похолодело.

Не из-за денег.

Из-за того, как она произнесла его имя.

С нежностью. С доверием. С той опасной слепотой, которая появляется у женщин прямо перед тем, как мужчина начинает ломать их под себя.

Для неё он уже стал не человеком.

Силой.

Защитой.

Ответом на всё.

А это почти всегда заканчивалось катастрофой.

— Ты дала мне слово, — напомнила я тихо. — Никто не должен знать, что мы с тобой сёстры.

Эвелин прикрыла глаза.

— Мы договорились об этом одиннадцать лет назад. Твоя жизнь отдельно. Моя отдельно.

— Я помню.

— Тогда не нарушай это ради мужчины.

Она долго молчала, а потом всё-таки кивнула.

— Хорошо. Я ничего ему не скажу.

Я притянула её к себе и обняла крепче, чем обычно.

Слишком крепко.

Словно уже тогда чувствовала, что держу в руках что-то хрупкое, обречённое разбиться.

Эвелин отстранилась первой и ушла в ванную, а я осталась сидеть посреди своей тесной квартиры, слушая, как по трубам шумит вода.

В этой комнате всё было старым. Потёртый диван. Шаткий стол. Выцветшие шторы. Лампа с треснувшим абажуром. Жара, въевшаяся в стены.

На этом фоне Эвелин выглядела почти нереально.

Словно кто-то случайно впустил принцессу в место, где ей не полагалось быть.

— Я всё ещё не понимаю, зачем ты живёшь в этой дыре, — крикнула она из ванной. — Здесь летом можно умереть.

Я сделала глоток вина прямо из бутылки.

Наверняка одна такая стоила как половина моей аренды.

— До работы близко.

— Эшли, ты не можешь всю жизнь танцевать в стрип-клубе.

— Смотри, не расплачься.

Она вернулась в комнату, поправляя волосы, и остановилась посреди квартиры с таким выражением лица, будто мысленно уже делала здесь ремонт.

— На следующей неделе мы едем смотреть квартиру.

— Нет.

— Да.

— Эвелин

— Слово «нет» не принимается.

Я усмехнулась.

Она всегда умела командовать мягко. Почти ласково. Но в итоге всё равно добивалась своего.

— И после просмотров я забронировала нам столик в «Ле Бернардине», — добавила она уже веселее. — Так что постарайся выглядеть прилично.

— У меня нет одежды для мест, где люди платят триста долларов за рыбу.

— Тогда купим.

Она улыбнулась.

И в тот момент я почему-то почувствовала страх.

Не резкий. Не громкий.

Тихий.

Будто внутри меня что-то уже знало: это счастье долго не проживёт.

Глава 2

Пять лет назад. 17 июня. Нью-Йорк, Манхэттен

Я стояла в холле старого дома на Верхнем Ист-Сайде и чувствовала себя так, будто случайно забрела не в тот мир.

Здесь всё было слишком тихим, слишком дорогим, слишком идеальным. Высокие потолки уходили вверх белоснежными арками, мраморный пол блестел так, что в нём отражались люстры, а золото на стенах выглядело не вычурно, а лениво — как у людей, которым уже давно ничего никому не нужно доказывать. Даже воздух здесь пах иначе: полированным деревом, дорогим парфюмом и деньгами, которые передаются по наследству вместе с фамилией.

На мне была белая винтажная блузка из секонд-хенда, чёрные джинсы и старые ботинки. Я выглядела здесь как ошибка.

— Мисс, подождите здесь, пожалуйста, — вежливо сказал консьерж.

Слишком вежливо. Так разговаривают с людьми, которых не хотят впускать, но и скандал устраивать лень. Он скользнул по мне взглядом — по дешёвой ткани, потёртым рукавам, отсутствию каблуков — и едва заметно поджал губы.

Да расслабься ты. Я сама не в восторге, что здесь стою.

Через минуту двери лифта бесшумно открылись, и в холл вышла Эвелин.

И, Господи, она выглядела так, будто этот мир был создан специально под неё. Светлые волосы лежали мягкими волнами, лёгкое кремовое платье подчёркивало тонкую фигуру, а на губах играла улыбка человека, которого любят. По-настоящему любят.

Рядом с ней шёл мужчина лет пятидесяти в идеально сидящем сером костюме — подтянутый, холёный, с белоснежной улыбкой и тем особым взглядом, который бывает у людей, привыкших продавать роскошь.

— Эшли! — Эвелин сразу просияла, помахав мне рукой.

— Мисс Кросс, рад знакомству, — мягко произнёс мужчина. — Уолтер Грейсон.

Консьерж рядом со мной заметно подобрался.

Ну конечно. Даже я знала это имя. Мистер Уолтер был одним из самых дорогих риелторов Манхэттена. Человеком, который продавал квартиры кинозвездам, спортсменам, наследникам старых семей и миллиардерам, чьи фамилии мелькали в Forbes чаще, чем у людей — прогноз погоды. Про него писали журналы, его цитировали в интервью, а в городе ходили слухи, что он способен продать пентхаус за двадцать миллионов быстрее, чем обычные люди покупают кофе.

И сейчас этот человек показывал квартиру моей сестре.

Нормально так жизнь нас раскидала.

Мы поднялись наверх на частном лифте. Тишина внутри давила сильнее музыки в клубе. Когда двери открылись, я на секунду просто замерла.

Квартира была невозможной.

Не крикливо роскошной, как у рэперов в клипах. Нет. Это были деньги другого уровня. Старые. Спокойные. Опасные.

Панорамные окна во всю стену открывали вид на Центральный парк. Свет ложился на светлый паркет мягкими золотыми полосами. Огромная кухня блестела чёрным мрамором, а гостиная выглядела так, будто здесь никогда никто не жил — только красиво существовал.

Я медленно шла по комнатам, чувствуя себя так, будто пачкаю всё вокруг одним своим присутствием.

В спальне у меня окончательно перехватило дыхание. Огромная кровать, гардеробная размером с мою квартиру, светлые стены и тишина. Такая тишина бывает только у очень богатых людей.

Я остановилась на пороге и нервно усмехнулась.

— Господи, Эвелин это уже перебор. Я не могу себе такое позволить.

Она посмотрела на меня слишком внимательно, а потом спокойно сказала:

— Можешь. Потому что квартира уже твоя.

Я нахмурилась.

— Что?

— Я её купила. Через траст и закрытые документы. Там даже твоего имени нигде нет, Эшли. Никто никогда не докопается, что квартира связана с тобой.

Внутри будто что-то оборвалось.

— Ты ебанулась?

Мистер Уолтер кашлянул. Очень тактично.

— Думаю, я оставлю вас ненадолго одних.

И исчез быстрее, чем я успела продолжить.

Как только дверь закрылась, я резко повернулась к Эвелин.

— Мы договаривались посмотреть варианты. Посмотреть, блядь, варианты, а не покупать мне квартиру за хрен знает сколько миллионов!

— Это не важно.

— Не важно?! Ты вообще слышишь себя?!

Она шагнула ближе.

— Это самое меньшее, что я могу для тебя сделать.

— Не надо делать из меня благотворительный проект, Эвелин.

Её лицо дёрнулось.

— Я не делаю.

— Тогда что это?!

Она резко выдохнула — будто слишком долго держала всё внутри.

— Каждый день я думаю о том, что после смерти родителей ты таскалась по приёмным семьям, пока я жила как принцесса! Каждый чёртов день, Эшли! И если у меня есть возможность хоть что-то тебе вернуть — я это сделаю!

Я уже открыла рот, но она заговорила снова — быстро, горячо, почти с отчаянием:

— Джон дал мне деньги без вопросов. Просто дал. Сказал: «Бери всё, что тебе нужно».

И тогда я увидела кольцо.

До этого я, кажется, просто не смотрела ей на руку. Бриллиант на безымянном пальце вспыхнул в свете окна так резко, что у меня внутри всё похолодело. Огромный. Слишком дорогой. Слишком тяжёлый.

Не кольцо.

Клеймо.

Я уставилась на него, не в силах поднять взгляд.

— Он сделал тебе предложение, — тихо сказала я. — И квартиру оплатил тоже он.

Эвелин улыбнулась.

Господи.

Она выглядела счастливой. По-настоящему счастливой.

— Я хотела рассказать тебе сегодня за обедом, — мягко сказала она. — Красиво. Нормально. Отпраздновать с тобой.

Но я уже почти её не слышала. Смотрела только на кольцо, и у меня было чувство, будто оно блестит не бриллиантом, а лезвием у её горла.

Это не любовь. Это приговор.

— Нет, — выдохнула я.

Эвелин сделала шаг ко мне.

— Эш

— Нет, — повторила я уже громче, чувствуя, как внутри начинает подниматься что-то тёмное и горячее. — Ты вообще понимаешь, с кем собираешься связать жизнь? Он не бизнесмен, Эвелин. Не принц из твоей красивой сказки. Он чёртов мафиози. Выйти за такого — всё равно что добровольно надеть себе мишень на лоб.

Её лицо дрогнуло.

— Ты даже не пытаешься его понять.

Я коротко рассмеялась.

— А я и не собираюсь понимать мужика, который закидывает тебя грязными деньгами и покупает тебе преданность квартирами.

— Это не преданность. Это забота.

— Это власть, — сорвалась я. — И ты уже под неё легла, сама того не заметив.

Она побледнела так резко, будто я ударила её по лицу.

— Значит, вот как ты это видишь? — спросила она тихо. — Что я продалась?

Я стиснула зубы так сильно, что заболела челюсть.

Молчание между нами натянулось до предела.

— Я вижу, что ты влюбилась в человека, от которого пахнет кровью, — сказала я глухо. — И меня тошнит от мысли, что однажды эта кровь может оказаться твоей.

В её глазах блеснули слёзы.

Но вместе с ними вспыхнула злость.

— Ты никогда не примешь мой выбор, да? — резко бросила она. — Он всегда будет для тебя чудовищем, даже если делает меня счастливой. А я? Я тоже чудовище? Мои будущие дети? Вся моя жизнь?

— Не переворачивай.

— Нет, это ты не переворачивай! — её голос сорвался. — Хочешь и дальше жить как шлюха, продающаяся за копейки, — живи! Но я не позволю тебе оскорблять мужчину, которого люблю!

У меня внутри всё вспыхнуло.

На секунду в спальне стало так тихо, что я услышала собственное дыхание.

— Что ты сейчас сказала? — медленно переспросила я.

Эвелин будто и сама поняла, что перешла черту. Но было поздно. Слишком поздно.

— Я не это имела в виду

— Нет, именно это.

Я шагнула к ней ближе.

— Давай, скажи ещё раз. Скажи, как ты теперь смотришь на меня сверху вниз из своей роскошной жизни.

— Эшли

— Нет, блядь, скажи! — рявкнула я. — Ты думаешь, мне нравится такая жизнь? Думаешь, я мечтала танцевать перед пьяными ублюдками, чтобы просто выжить?!

— Я пытаюсь тебе помочь!

— Помочь?! — меня уже трясло. — Ты приводишь меня в квартиру за миллионы долларов, купленную твоим мафиозным женишком, и думаешь, что этим можно стереть всё дерьмо, через которое я прошла?!

— Потому что я чувствую себя виноватой! — закричала она в ответ. — Каждый день чувствую! Ты думаешь, мне легко было жить с мыслью, что тебя швыряло по приёмным семьям, пока меня растили как родную дочь?!

— Тогда не пытайся купить себе прощение!

Эвелин резко схватила стоявший рядом бокал с водой и со злостью швырнула его в стену.

Стекло разлетелось с оглушительным треском.

Мы обе вздрогнули.

Осколки посыпались на пол между нами, как лёд.

— Господи, да почему ты всегда всё разрушаешь?! — выкрикнула она уже сквозь слёзы.

— Почему ты не можешь просто порадоваться за меня хоть раз?!

Я смотрела на неё и чувствовала, как внутри медленно что-то умирает.

— Потому что я вижу то, чего не видишь ты.

— Нет, Эшли. Ты просто завидуешь.

Эти слова ударили сильнее пощёчины.

Я даже задохнулась на секунду.

— Завидую? — переспросила я почти шёпотом.

Эвелин плакала, но уже не останавливалась.

— Да! Завидуешь! Тому, что меня наконец кто-то полюбил! Тому, что я смогла выбраться из всего этого! А ты так и осталась в своей грязи и теперь хочешь утянуть меня обратно!

Я почувствовала, как в груди что-то ломается.

С хрустом.

Окончательно.

— Пошла ты нахуй, Эвелин.

Она закрыла рот ладонью так резко, будто я ударила её.

Я никогда раньше не говорила ей этого.

Никогда.

Но остановиться уже не могла.

— Ты думаешь, он любит тебя? — продолжила я тихо, с ненавистью, от которой дрожал голос. — Мужчины вроде него никого не любят. Они владеют. Покупают. Ломают. И знаешь что? Когда однажды ты поймёшь, в какое дерьмо влезла, будет уже поздно.

— Уходи, — прошептала она.

Я усмехнулась.

Горько. Пусто.

— С удовольствием.

Я толкнула её в плечо, обходя, и вылетела из спальни прежде, чем сказала что-то ещё страшнее.

В коридоре у окна стоял мистер Уолтер. Он тут же повернулся ко мне со своей безупречной дежурной улыбкой.

— О, мисс Кросс, вы знали, что к квартире прилагается парковочное место в подземном гараже? Полностью автоматизированное, с системой распознавания номеров

Он осёкся, увидев моё лицо.

Наверное, потому что выглядела я так, будто только что кого-то убила.

Я ничего не ответила. Просто прошла мимо.

Дверь подъезда с тихим шипением выпустила меня обратно на улицу — в жару, шум, выхлопные газы и привычную грязь города.

Я шла быстро, почти не разбирая дороги, а в голове билась только одна мысль.

Это не любовь.

Это начало конца.

Глава 3

5 июля. Нью-Йорк, Бедфорд-Стайвесант, Бруклин

Я сижу перед зеркалом в прокуренной гримёрке. Лампочка над рамой мигает, бросая рваные блики на моё отражение. Я докрашиваю губы ярко-алой помадой и ещё раз осматриваю себя.

На мне белый корсет, туго стягивающий талию, и такие же белые стринги. В руках — пушистые заячьи ушки. Сегодня я выхожу в них.

Суббота — самый прибыльный день недели в «Алом Пламени», потрёпанном, но всё ещё цепляющем взгляд стриптиз-баре, где я зарабатываю себе на жизнь с пятнадцати лет.

Для этого района место выглядело почти вызывающе роскошным. Будто хозяйка из последних сил пыталась сохранить здесь дух шестидесятых: бархатные портьеры, латунные светильники, зеркальный потолок. Запах полироли смешивался с сигаретным дымом и терпкими духами танцовщиц.

Дверь в гримёрку открывается с тихим скрипом.

Входит Сильвия Дюваль, окутанная табачной дымкой. Её появление всегда напоминает выход актрисы в кульминационной сцене — эффектный, выверенный, такой, что все остальные будто сразу становятся фоном.

Благородная седина, уложенная в мягкие локоны, обрамляет лицо с холодной, властной красотой. Тёмные глаза с металлическим отблеском смотрят цепко, оценивающе. Так смотрят люди, привыкшие всё держать под контролем. Бордовая помада подчёркивает изгиб губ, на которых вечно прячется тень насмешки. В руке — длинный мундштук, который она держит с ленивой элегантностью, будто это не привычка, а часть её короны.

— Детка, хотела тебя поздравить, — произносит она.

Я поднимаю взгляд через зеркало как раз в тот момент, когда она бросает на мой столик глянцевого журнала.

На обложке — моя сестра.

В невероятно красивом свадебном платье. Голова чуть повернута, взгляд направлен на мужчину рядом, и улыбается она так счастливо, что у меня болезненно сжимается сердце.

Первая мысль бьёт резко и подло: она никогда так не улыбалась мне.

Я перевожу взгляд на мужчину рядом — и дыхание замирает.

Джон Ланкастер.

Он словно вырезан из тёмного мрамора: резкие, чёткие черты лица, высокие скулы, прямой нос. Но сильнее всего цепляют глаза — густого янтарного цвета, будто в них тлеет что-то опасное, почти звериное. Тёмные волосы средней длины слегка вьются, несколько прядей падают на лоб и виски, придавая ему расслабленный, почти небрежный вид. Широкие плечи обтянуты пиджаком явно не из дешёвых, а золото запонок и тяжёлый перстень с чёрным ониксом на пальце говорят о нём больше, чем любые слова.

В его облике нет дешёвой показной брутальности. Только холодная, расчётливая элегантность человека, который привык распоряжаться чужими судьбами.

И эта улыбка

Такой я раньше не видела. Он смотрит в камеру папарацци, но создаётся ощущение, будто этот взгляд проходит насквозь.

Сильвия опускается на красный велюровый диван и небрежно закидывает ногу на ногу. Её поза, её взгляд — всё без слов говорит: *я знала, что твоя сестра тебя бросит.*

— Ты ведь не знала, зайчик, — произносит она с почти незаметной насмешкой. — И на свадьбу тебя, конечно, никто не пригласил, верно?

Это звучит скорее как утверждение, чем вопрос.

Я сглатываю. В горле стоит тяжёлый ком, будто я проглотила кусок железа.

— Мы не общались уже месяц. После последней ссоры, — отвечаю глухо, глядя куда-то в сторону. — И на её месте я бы тоже не позвала того, кто открыто выступал против этого брака.

В гримёрке повисает тишина. Её нарушают только приглушённые удары музыки из зала и мерное тиканье старых часов на стене.

Я смотрю на себя в зеркало: яркий макияж, дурацкие заячьи уши, белый корсет, который вдруг начинает душить. Внутри поднимается вязкая горечь. Я слишком ясно понимаю, как низко опустилась.

Остаётся только одна жестокая правда: моя сестра вышла замуж за мужчину, которого любила, а меня не было рядом в самый счастливый момент её жизни.

Сильвия затягивается сигаретой, выпускает дым в сторону и медленно произносит:

— Так бывает, зайчик. У каждого в жизни есть своё место. Но кто сказал, что его нельзя выбрать самой? Твоя сестра сделала выбор. И в её картине мира для тебя места не осталось. Это её решение. Но твоё будущее — в твоих руках.

Она похлопывает ладонью по дивану рядом с собой. Я подхожу и сажусь рядом, будто подчиняясь безмолвному приказу. Ноги ватные. Прядь волос выбивается из причёски и падает на лицо. Сильвия замечает это и неожиданно мягко заправляет локон мне за ухо. Её пальцы тёплые, чуть шершавые. Почти по-матерински заботливые.

— У тебя есть главное, — продолжает она уже тише, но жёстче. — Молодость. Красота. И мозги, которые умеют быть хитрыми, когда надо. Пользуйся этим. Заводи связи. Не ради мелкой выгоды, а ради опоры. Строй себе такую жизнь, чтобы однажды оглянуться и понять: ты больше никому не обязана подчиняться.

Я глубоко вдыхаю и почти шёпотом говорю:

— Я боюсь, что рядом с ним она пострадает

Сильвия встаёт и подходит к зеркалу. Поправляет макияж уверенными, выверенными движениями.

— Мы обе знаем, что это за человек и какими делами он живёт, — говорит она, понижая голос. — Если бы я тогда тебе не сказала правду, однажды тебя могли бы принять за сестру. И в один прекрасный момент ты бы попала под обстрел. Ты правда думаешь, его люди тебя спасали бы? Или он сам? Для него важна только твоя сестра. Пострадала бы только ты.

По моей щеке скатывается слеза.

Сильвия резко оборачивается и смотрит на меня сверху вниз — строго, жёстко, без капли жалости.

— Соберись, детка. Сегодня в зале полно больших кошелев. Натяни самую ослепительную улыбку и покажи им, на что ты способна.

Ночь проходит как в тумане.

Пульсирующая музыка, слепящие огни, фальшивые улыбки и чужие взгляды, скользкие по моему телу. Я танцую, улыбаюсь, играю свою роль. Сальные мужские руки лезут везде, куда только могут дотянуться, а взамен в мои ладони падают тяжёлые пачки купюр — плата за каждую секунду, которую хочется стереть из памяти.

Я останавливаюсь у бара и подзываю Натаниэля — молодого бармена лет двадцати пяти, с руками, шеей и даже пальцами, сплошь покрытыми татуировками.

— Жаркая сегодня ночь, — бросает он, протирая бокал. — Парень за десятым столиком хочет заказать у тебя приват. Но предупреждаю сразу: бабок у него немного.

Я кривлюсь.

— Налей мне два шота текилы. Иначе я этот день спокойно не закончу и точно кого-нибудь убью.

Он молча ставит передо мной две рюмки.

Пока он наливает, я оборачиваюсь и оглядываю зал. Кто-то из девочек извивается на пилоне. Кара, пышная блондинка, уже устроилась на коленях у какого-то толстосума и что-то мурлычет ему на ухо.

И вдруг моё внимание цепляется за группу мужчин, входящих в зал так, будто клуб принадлежит им.

Сандра, приторная администраторша, лично провожает их наверх, в VIP-комнату. Ничего необычного.

Пока я не вижу одно лицо.

Джон Ланкастер.

Чёрт.

Сердце сначала замирает, потом начинает колотиться как бешеное. Я залпом выпиваю оба шота и быстро иду к Сандре.

Она замечает меня и сразу растягивает губы в мерзкой, насквозь фальшивой улыбке. Мы давно друг друга терпеть не можем. После того случая, когда её убудочный муж попытался взять меня силой, между нами всё окончательно сдохло.

— Кто пришёл в VIP? — спрашиваю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Сандра вскидывает подбородок.

— Тебя это не касается, грязная потаскушка, — цедит она. — Дюваль велела отправить туда Лию и Пайпер. И да, ещё одно распоряжение — цитирую: «Ни в коем случае не подпускать Кросс к этим дверям».

Я стискиваю зубы так сильно, что начинает ныть челюсть.

Значит, меня намеренно пытались отстранить от этого.

Мой взгляд сам тянется к лестнице на второй этаж. Где-то там, за закрытой дверью, сидит он.

И я точно знаю: так просто я это не оставлю.

Я направляюсь к гримёрке и по дороге перехватываю Лию.

На вид ей лет шестнадцать, не больше. В такие места редко приходят от хорошей жизни. Как только у девчонок появляется грудь и задница начинает выгодно смотреться в стрингах, они бегут сюда за лёгкими деньгами. И не всегда понимают, во что на самом деле вляпываются.

Лия улыбается слишком радостно.

— Мужчина за третьим столиком сказал, что после смены сводит меня на ужин, представляешь? Ещё обещал познакомить с продюсерами

Я только хмыкаю. Старая песня.

— Лия, мне нужно зайти в VIP вместо тебя.

Её лицо тут же меняется. Улыбка исчезает, в глазах вспыхивает настороженность.

— Всё, что заработаю там, отдам тебе. Полностью. Но мне нужно попасть внутрь. Мне надо услышать, о чём они говорят. Пожалуйста.

Она молчит, нервно теребя край топа. Потом коротко кивает.

— Если Сильвия узнает, что вместо меня зашла ты, тебе пиздец, — шепчет она. — Надень маску и смени костюм. Они заказали просто сопровождение и танцы. В маске тебя не узнают.

— Где маска?

— В ящике у зеркала. Чёрная, с волчьим оскалом. И возьми мой запасной костюм — чёрный корсет и мини-юбку.

— Спасибо.

— Не благодари раньше времени. Если нас спалят, я скажу, что ничего не знала.

— Поняла. Я тебя не подставлю.

Я почти бегу в гримёрку.

Руки дрожат, но я заставляю себя сосредоточиться.

Сейчас или никогда.

Маска закрывает нижнюю половину лица, оставляя открытыми глаза и лоб. По бокам — плавные изгибы, спереди — стилизованные клыки. Не устрашающе. Скорее хищно.

Я натягиваю её на лицо.

Переодеваюсь. Чёрный корсет туго обхватывает грудь, мини-юбка едва прикрывает зад, и еще этот пушистый волчий хвост.

Я смотрю на своё отражение.

Он не узнает во мне Эвелин.

Никто не узнает.

Глава 3

5 июля 2015 года. Нью-Йорк, Бедфорд-Стайвесант, Бруклин

В гримёрке пахло дешёвым табаком, сладкими духами и раскалёнными лампами, которые, кажется, работали здесь дольше половины девочек. Свет над зеркалом мигал с раздражающим треском, превращая моё отражение в рваную киноплёнку. Я медленно провела яркой помадой по нижней губе и откинулась на спинку стула, рассматривая себя в зеркале.

Белый корсет так туго стягивал талию, что нормально дышать получалось через раз. Такие же белые стринги, сетчатые чулки и пушистые заячьи ушки, которые я лениво крутила в руках, завершали сегодняшний образ.

Суббота. Самый прибыльный вечер недели.

В «Алом Пламени» по субботам мужчины приходили не пить — забываться. А мы помогали им делать это красиво.

Для Бедфорд-Стайвесанта клуб выглядел почти нелепо дорогим. Бархатные бордовые портьеры, латунные светильники, зеркальный потолок, красный велюр, тяжёлый запах полироли, виски и секса. Будто кто-то когда-то попытался построить здесь маленький Лас-Вегас, а потом просто бросил всё медленно гнить.

Дверь гримёрки открылась со знакомым скрипом.

Сильвия Дюваль вошла внутрь вместе с облаком сигаретного дыма. Она всегда появлялась так, будто входила не в стрип-клуб, а на сцену театра. Медленно. Спокойно. С ощущением абсолютной власти над всем вокруг.

Седые волосы мягкими волнами лежали на плечах. Бордовая помада идеально сочеталась с шёлковым костюмом цвета тёмного вина, а длинный мундштук в её пальцах выглядел продолжением руки. Сильвия была красивой той опасной красотой, которая появляется у женщин, переживших слишком многое и научившихся больше никого не бояться.

— Детка, хотела тебя поздравить.

Я подняла взгляд.

И ровно в этот момент она бросила на мой столик глянцевый журнал.

Мир будто качнулся.

На обложке была Эвелин.

Белое свадебное платье, открытые плечи, счастливые глаза. Она смотрела на мужчину рядом так, будто вокруг больше никого не существовало.

У меня внутри всё болезненно сжалось.

Она никогда так не смотрела на меня.

Я перевела взгляд на мужчину рядом — и замерла.

Джон Ланкастер.

Даже на фотографии от него веяло чем-то тяжёлым. Опасным. Будто журнал случайно напечатал не человека, а хищника в дорогом костюме. Тёмные волосы, расслабленно падающие на лоб. Жёсткая линия челюсти. Широкие плечи. Янтарные глаза, от которых по коже проходил неприятный холод.

Он выглядел не как мафиози из дешёвых фильмов.

Он выглядел как мужчина, которому не нужно никого пугать, потому что люди и так боятся.

И эта улыбка спокойная, почти ленивая. Но от неё почему-то хотелось сделать шаг назад.

Сильвия опустила на диван, закинула ногу на ногу и внимательно посмотрела на меня сквозь дым сигареты.

— Ты ведь не знала, зайчик. И на свадьбу тебя, конечно, никто не пригласил.

Я сглотнула.

В горле стоял ком размером с кирпич.

— Мы не разговаривали почти месяц, — тихо сказала я. — После последней ссоры.

Сильвия молчала.

А я продолжала смотреть на журнал. На счастливую Эвелин. На её руку в ладони Джона. На то, как естественно они смотрелись рядом.

И внутри медленно поднималась вязкая, мерзкая пустота.

Моя сестра вышла замуж.

А меня рядом не было.

Я вдруг слишком остро почувствовала собственную жизнь: прокуренную гримёрку, липкий пол, дешёвые костюмы, мужчин, которые платили за возможность трогать меня руками.

Белый корсет внезапно начал душить.

Сильвия медленно выпустила дым.

— Так бывает, детка. Люди делают выборы. Твоя сестра свой уже сделала.

Она похлопала ладонью по дивану рядом с собой.

Я села.

Ноги были ватными.

Сильвия неожиданно мягко убрала прядь волос с моего лица — почти по-матерински — и тихо сказала:

— Но твоё будущее всё ещё в твоих руках. У тебя есть главное: молодость, красота и мозги. Не трать это на выживание. Используй. Учись строить связи. Искать опору. Делать так, чтобы однажды тебе больше не пришлось никому продавать себя ради денег.

Я опустила глаза.

— Я боюсь, что рядом с ним она пострадает.

Сильвия поднялась и подошла к зеркалу. Несколько секунд поправляла помаду, а потом встретилась со мной взглядом через отражение.

— Мы обе понимаем, что это за человек. И в каком мире он живёт.

Её голос стал тише.

Жёстче.

— Если бы я не предупредила тебя раньше, однажды тебя могли бы принять за сестру. И тогда ты бы оказалась под пулями вместо неё. Думаешь, люди Ланкастера стали бы тебя спасать? Для него важна только Эвелин.

По моей щеке медленно скатилась слеза.

Сильвия резко развернулась.

— Соберись, зайчик. Сегодня внизу полно больших кошельков. Натяни улыбку и иди зарабатывать деньги.

Ночь превратилась в мутное пятно из музыки, неона и чужих рук.

Я танцевала на автомате. Улыбалась. Позволяла мужчинам трогать себя ровно настолько, насколько им позволяли купюры в их бумажниках.

Клуб гудел как огромный пьяный улей. Девочки извивались на пилонах, официантки таскали подносы с алкоголем, мужчины смеялись слишком громко.

Я остановилась у бара.

Натаниэль за стойкой выглядел так, будто родился где-то между дракой в подворотне и рок-концертом. Молодой, худой, с вечно уставшими глазами и руками, забитыми татуировками так плотно, что свободной кожи почти не осталось. Даже пальцы были в чернилах. Он работал здесь всего два года, но уже выглядел человеком, которого жизнь успела заебать окончательно.

При этом Натаниэль был одним из немногих мужчин в клубе, кто смотрел девушкам в глаза, а не на грудь.

— Налей мне два шота текилы, — бросила я. — Иначе я сегодня кого-нибудь убью.

Татуированный бармен понимающе хмыкнул.

— Жаркая ночь?

— Хуже.

Пока он наливал текилу, я лениво скользнула взглядом по залу — и в следующую секунду внутри всё оборвалось.

В клуб вошёл Джон Ланкастер.

Рядом с ним двигались ещё несколько мужчин — уверенно, спокойно, так, будто всё помещение принадлежало им.

Сандра уже бежала навстречу с фальшивой улыбкой.

Высокая, идеально уложенная, с острыми скулами и вечным глянцевым выражением лица, она выглядела как женщина, которая способна продать тебе бутылку шампанского за тысячу долларов и заставить ещё поблагодарить её за это.

Сандра работала здесь лет десять и знала о клубе всё. Кто из клиентов любит пожестче. Кто носит пушку под пиджаком. Кто отмывает деньги через казино. Кто из девочек скоро сорвётся на наркоту.

После истории с её мужем, который попытался затащить меня в подсобку, между нами осталась только взаимная ненависть.

VIP.

Конечно.

Я залпом опрокинула оба шота и пошла за ней.

— Кто там? — спросила я как можно спокойнее.

Сандра смерила меня мерзким взглядом.

— Тебя это не касается, потаскушка. Дюваль велела отправить туда Лию и Пайпер. И отдельно сказала не подпускать тебя к этим дверям.

Вот теперь мне стало по-настоящему интересно.

Мой взгляд сам потянулся к лестнице наверх.

Где-то там сидел мужчина, за которого моя сестра только что вышла замуж.

И я собиралась посмотреть ему в лицо.

Даже если придётся сделать это в маске.

Я нашла Лию возле гримёрки.

Девчонка сияла так, будто уже выиграла в жизни главный приз. Слишком юная, слишком красивая, с огромными светлыми глазами и опасной привычкой верить мужчинам.

Лие едва исполнилось восемнадцать, но иногда казалось, что внутри неё всё ещё живёт пятнадцатилетняя девчонка, которая смотрела романтические фильмы и думала, что красивые богатые мужики действительно могут спасти.

— Мужчина за третьим столиком хочет сводить меня на ужин, представляешь? Ещё обещал познакомить с продюсерами

Я едва сдержала усмешку.

Старая сказка.

— Лия, мне нужно зайти в VIP вместо тебя.

Она сразу напряглась.

— Сильвия тебя убьёт.

— Всё, что заработаю там, твоё. Но мне нужно попасть внутрь.

Лия долго смотрела на меня, потом нервно кивнула.

— Возьми маску. И мой запасной костюм. Только если нас спялят — я тебя не знаю.

Через пять минут я стояла перед зеркалом в чёрном корсете, короткой юбке и маске с волчьим оскалом.

Чёрный хвост нервно качался за спиной.

Я медленно выдохнула.

Он не узнает меня.

Никто не узнает.

Мы с Пайпер вошли в VIP-комнату под тяжёлые басы музыки медленно, лениво покачивая бёдрами так, будто для нас всё происходящее было обычным рабочим вечером. Хотя воздух здесь уже пах хуёво. Не сексом, не алкоголем и даже не сигарами, а надвигающейся бедой — той самой, которую чувствуешь кожей ещё до того, как кто-то достанет оружие.

Комната тонула в густом красноватом полумраке. Свет ламп скользил по стеклу, по бутылкам дорогого виски, по дыму сигар, который клубился под потолком тяжёлыми слоями и превращал лица мужчин в нечто почти демоническое. На низком стеклянном столе валялись телефоны, пачки сигарет, зажигалки и чёрный пистолет, брошенный так небрежно, будто это обычная мелочь из кармана. В этой комнате оружие выглядело естественнее, чем бокалы.

На нас почти не обратили внимания.

Пока Пайпер не устроилась рядом с одним из людей Джона.

Мужику было около тридцати. Тёмные волосы зачёсаны назад, над бровью тянулся тонкий шрам, а белая майка плотно обтягивала широкие плечи и руки, под кожей которых перекачивались мышцы. В нём не было дешёвой показной брутальности. Он не пытался выглядеть опасным — просто был таким. От него исходила тяжёлая, мрачная энергия человека, который убивал людей чаще, чем смеялся.

Он лениво скользнул взглядом по Пайпер, и этот взгляд был настолько липким и грязным, будто мысленно он уже разложил её где-нибудь в подсобке.

Пайпер нервно улынулась, хотя я заметила, как у неё дрогнули пальцы, когда она провела ногтем по его бедру.

— Ты сегодня напряжённый, красавчик.

— Работа такая, — хрипло усмехнулся он и сжал ладонью её колено чуть выше, чем следовало.

Я направилась к шесту напротив диванов медленно, плавно, чувствуя на себе мужские взгляды ещё до того, как начала танцевать. Музыка стала громче. Бас отдавался где-то под рёбрами. Я провела ладонями по плечам, медленно спустилась к груди, к корсету, к бёдрам, скользя вокруг шеста так, будто всё моё внимание принадлежало танцу.

Но на самом деле я следила за ними.

— Эти ублюдки специально морозят поставки, Джон, — произнёс мужчина со шрамом, лениво покручивая в пальцах стакан с виски. — Либо охуели, либо решили проверить нас на прочность.

И в этот момент я почувствовала взгляд.

Тяжёлый.

Медленный.

Джон Ланкастер смотрел прямо на меня.

Его янтарные глаза спокойно скользнули сверху вниз — по маске, по шее, по груди, по талии, по голой ноге, обвивающей шест. Без спешки. Без смущения. Будто он уже мысленно раздел меня до костей и теперь просто размышлял, нравится ему увиденное или нет.

Внутри неприятно дрогнуло.

Не показывай страх.

Никогда.

Я продолжала двигаться, сохраняя на лице холодное равнодушие, а Джон лениво откинулся на спинку дивана, словно потерял ко мне интерес.

Рядом с ним сидел ещё один мужчина.

И если Джон выглядел как хищник, который давно привык разрывать людей на части, то Майкл был совсем другим. Светло-русые волосы небрежно спадали ему на лоб, правильные черты лица казались почти смазливými, а расслабленная полуулыбка делала его похожим скорее на модель с рекламы дорогих часов, чем на мафиози. Но стоило посмотреть ему в глаза — и всё это впечатление рассыпалось к чёртовой матери. Взгляд у Майкла был ледяной. Пустой. Такой бывает у людей, которые уже давно перестали видеть разницу между чужой смертью и плохой погодой.

Брат.

— Этот сукин сын думает, что если спрячется за папочку, то ему всё сойдёт с рук, — спокойно произнёс Джон, и от его голоса по коже пополз холод. — Как только войдёт сюда — дай ему шанс объясниться, Бруно — обратился он к мужчине рядом с Пайпер. — Один ответ. Если он мне не понравится, пристрели его нахуй.

Майкл усмехнулся краем губ. Не весело. Так усмеваются люди, которые уже мысленно представили, как будут смывать кровь с рук.

Бруно достал пистолет и лениво проверил магазин.

Щёлк.

Звук прозвучал неожиданно громко.

Пайпер сразу напряглась и попыталась отодвинуться, но мужчина со шрамом резко сжал пальцы на её бедре.

— Куда собралась, куколка? Сиди спокойно. Тебя пока убивать никто не планирует.

Она нервно рассмеялась, но смех получился жалким.

Я продолжала танцевать, потому что в таких местах нельзя показывать страх. Здесь его чувствуют мгновенно. А потом жрут тебя живьём.

Дверь VIP-комнаты распахнулась без стука.

Внутрь ввалился парень лет двадцати пяти — светлые волосы, дорогая рубашка, самодовольная рожа избалованного мажора, который с детства привык, что весь мир обязан сосать ему член только за фамилию.

Он даже не почувствовал напряжения в комнате.

Или был слишком туп, чтобы почувствовать.

— Блядь, ну и место ты выбрал для встречи, Ланкастер, — ухмыльнулся он, плюхаясь в кресло. — Хотя девочки тут охуенные, так что я быстро передумал.

Его взгляд лениво прошёлся по мне.

Мерзко.

Как по товару.

Потом он посмотрел на Майкла и ухмыльнулся ещё шире.

— О, а мелкий братец тоже здесь? Тебе уже разрешают сидеть за взрослым столом?

Майкл даже не моргнул. Только медленно отпил виски.

— Следи за языком, Беттино. Иначе однажды его вырежут.

Тот заржал — громко, самоуверенно, слишком расслабленно для человека, который уже стоял на краю могилы.

А потом повернулся к Джону.

— Кстати, видел твою жёнушку. М-м-м сладкая девочка. Надеюсь, её красивое личико случайно не испортят.

Комната замерла.

Даже музыка будто отдалилась.

Я почувствовала, как внутри всё сжалось.

Но Джон только улыбнулся.

Спокойно.

Почти лениво.

И именно эта улыбка напугала меня сильнее всего.

— Где мои поставки, Беттино?

— А где мои деньги?

— Не играй со мной.

— А то что? — ухмыльнулся тот. — Ты сейчас начнёшь строить из себя короля Нью-Йорка?

Джон медленно подался вперёд, и в комнате стало тихо настолько, что я услышала собственный пульс.

— Ты слишком много пиздишь для человека, который уже стоит одной ногой в могиле.

Улыбка Беттино дрогнула.

Совсем чуть-чуть.

Но я это заметила.

Он понял. Слишком поздно, но понял.

— Ладно, блядь, не горячись, — нервно усмехнулся он. — Всё решаемо.

Джон не сводил с него глаз.

Холодных.

Пустых.

Таковыми глазами люди смотрят не на живого человека.

На труп.

— Я не люблю, когда открывают рот в сторону моей жены, — тихо произнёс он. — И это был твой самый большой проёб.

Беттино дёрнулся, собираясь что-то сказать.

Не успел.

Лёгкий кивок Джона — и мир взорвался.

Бруно выхватил пистолет быстрее, чем я успела вдохнуть. Выстрел разорвал комнату оглушительным грохотом. Беттино дёрнуло назад. Пуля вошла ему в грудь чуть ниже ключицы, и дорогая чёрная рубашка мгновенно начала темнеть от крови.

На секунду он застыл с тупым, стеклянным выражением лица, будто мозг ещё не понял, что тело уже умирает.

А потом из его рта хлынула кровь.

Густая.

Тёмная.

Она потекла по подбородку, закапала на шею и грудь.

Он захрипел.

И обмяк в кресле.

Всё вокруг сорвалось в ад за одну секунду.

Один из его телохранителей рванулся к кобуре — и тут же получил пулю в горло. Выстрел Майкла отбросил его к стене. Мужик ударился спиной так сильно, что картина за ним треснула, а потом медленно сполз вниз, оставляя за собой жирный кровавый след.

Пайпер заорала.

Не закричала.

Именно заорала — дико, истерично, по-животному.

Второй громила успел вытащить пушку, но выстрелить уже нет.

Бруно нажал на курок первым.

Пуля вошла мужчине в живот. Он согнулся пополам, захлебнувшись хрипом, рухнул на колени и попытался ползти к выходу, цепляясь пальцами за ковёр, как раненое животное, которое ещё не поняло, что уже сдохло.

Меня затошнило.

Бруно спокойно подошёл ближе, поднял пистолет и выстрелил ему в голову.

Хлопок был коротким.

Почти будничным.

Череп разлетелся брызгами крови и серого дерьма прямо на ножку стеклянного стола.

Тело рухнуло лицом вниз.

Наступила тишина.

Только звон в ушах.

Только запах пороха, крови и смерти, мгновенно забивший лёгкие.

Я стояла у шеста, не в силах пошевелиться.

Блядь.

Блядь.

Блядь.

Перед глазами — кровь, мозги, развалившийся в кресле Беттино и Джон Ланкастер, который выглядел так спокойно, будто только что подписал документы, а не приказал убить троих человек.

Пайпер продолжала визжать за диваном.

Бруно резко повернулся к ней.

— Да заткнись ты нахуй! Живая же. Чё орёшь?!

Она моментально захлебнулась собственным криком.

Джон медленно подошёл к телу Беттино и несколько секунд молча смотрел на него, а потом тяжело выдохнул.

— Де Луко не должен узнать, что произошло с его сыном. Вообще. Ни единой, сука, ниточки.

Он поднял взгляд на Бруно.

— Убери тела. Свиньи, кислота, бетон — мне похуй. Сделай так, чтобы от них ничего не осталось.

— Понял.

— И если хоть одна мразь откроет рот — Джон медленно обвёл комнату ледяным взглядом. — Я лично вскрою ему глотку. Всем ясно?

Все молча кивнули.

И именно в этот момент я окончательно поняла, кто такой Джон Ланкастер.

Не бизнесмен.

Не богатый красавчик из журналов.

Чудовище.

Настоящее, мать его, чудовище.

Глава 4

В дверях появилась Сильвия Дюваль. Её взгляд быстро, цепко скользнул по комнате — по перевёрнутым креслам, осколкам стекла, тёмным лужам крови на ковре, по Пайпер, забывшейся за диван и трясущейся так, будто её сейчас вырвет, по мне, застывшей у стены с таким лицом, словно меня только что окунули головой в ледяную воду. Потом она посмотрела прямо на меня, и одного этого взгляда хватило, чтобы всё внутри похолодело.

Узнала.

Конечно узнала. От Сильвии вообще мало что ускользало. Особенно в её собственном клубе.

Но уже в следующую секунду она снова стала абсолютно спокойной. Перевела взгляд на мужчин так, будто перед ней был не расстрелянный VIP-зал, а просто очередные пьяные клиенты, разбившие пару бутылок.

— Я предупреждала, — ровно произнесла она, медленно снимая перчатку, — если пострадает мебель, счёт вырастет вдвое. И, что куда важнее, могли пострадать мои девочки. А об этом мы с вами не договаривались.

Её голос звучал почти скучающе. Будто речь шла о пролитом виски, а не о трёх трупах, один из которых сейчас медленно стекал кровью с кресла на дорогой ковёр.

Джон едва заметно кивнул Майклу.

Он лениво, будто его вообще не напрягало, что пять минут назад произошло, подошёл к Сильвии и протянул ей небольшой чёрный чемоданчик. На его красивом лице появилась почти издевательски вежливая улыбка.

— Мы помним условия сделки, мисс Дюваль. Здесь достаточно не только на новую мебель, но и на то, чтобы ваши девочки держали рот на замке. Наши люди всё уберут. Комнату лучше пока закрыть.

Сильвия взяла чемоданчик без лишних эмоций. Даже не заглянула внутрь. Словно прекрасно знала, сколько там лежит денег и сколько обычно стоит чужая смерть.

Джон прошёл мимо меня, и в этот момент я снова почувствовала этот холод — тяжёлый, липкий, животный. Он не остановился. Только бросил на меня короткий взгляд, от которого внутри всё инстинктивно сжалось.

Мне вдруг стало страшно, что он заметит.

Поймёт.

Увидит в моих глазах слишком много.

Но Джон уже перевёл внимание на Сильвию и чуть склонил голову.

— Спасибо.

— Позже придёт клининг, — спокойно ответила она. — Всё вычистят.

И от этих слов меня едва не затошнило сильнее, чем от запаха крови.

Всё вычистят.

Будто через час здесь не останется ни тел, ни мозгов на стене, ни крови под моими каблуками. Будто смерть можно смыть шваброй и хлоркой.

А потом они просто ушли.

Перешагнули через трупы так же спокойно, как обычные люди переступают через лужи после дождя, и один за другим скрылись за дверью. Майкл на ходу закурил сигарету, Бруно уже кому-то звонил, коротко бросая в трубку: «Поднимайтесь наверх», а Джон даже не обернулся.

Словно на полу остался не сын одного из самых опасных людей Нью-Йорка, а мусор после вечеринки.

Сильвия резко схватила меня за локоть и дёрнула к выходу. Её пальцы впились в кожу так сильно, что наверняка останутся синяки, но я почти ничего не чувствовала. Меня трясло изнутри.

В голове пульсировала только одна мысль.

Эвелин.

Мне нужно срочно поговорить с Эвелин.

Всю дорогу до кабинета Сильвия молчала, и это молчание было страшнее любого крика. Каблуки глухо стучали по коридору, музыка снизу продолжала долбить так, будто в клубе ничего не произошло, а у меня перед глазами всё ещё стояло лицо Беттино в тот момент, когда из его рта хлынула кровь.

Когда мы дошли до кабинета, Сильвия распахнула дверь и буквально втокнула меня внутрь с такой силой, что я едва удержалась на ногах.

Как вещь.

Как сломанную куклу.

Я ненавидела этот кабинет. Именно здесь несколько лет назад я впервые поняла, сколько на самом деле стоит человек, если его загнать в угол. Именно здесь я подписала контракт, продав не просто тело — себя целиком. Своё время. Свою гордость. Остатки свободы. Здесь всё пахло дорогим алкоголем, сигаретами и чужими решениями, которые ломали жизни.

Сильвия обошла массивный дубовый стол и медленно опустилась в кресло. Несколько секунд она просто смотрела на меня — тяжёлым, холодным взглядом женщины, которая уже заранее знает, что разговор закончится плохо.

А потом резко произнесла:

— Ты ебанутая, Эшли. Просто конченная дура.

Я вздрогнула сильнее, чем от выстрелов наверху.

— Ты правда думаешь, я просто так тебя предупреждала, когда узнала, с кем связалась твоя сестра? Думаешь, мне делать нехуй, кроме как вытаскивать твою тупую задницу из проблем? Я не просто так отправила туда Лию и Пайпер вместо тебя.

Я молчала.

Не потому что нечего было сказать.

Просто в горле стоял тяжёлый острый ком, будто я проглотила битое стекло.

Сильвия резко ударила ладонью по столу, и я дёрнулась.

— Ты вообще не понимаешь, что это за мир! Всё, что ты видела в клубе — стволы, наркота, шлюхи, мужики, которые под виски решают, кого трахнуть, а кого закопать, — это детский утренник по сравнению с тем, что творят такие люди, как Ланкастер!

Она тяжело выдохнула, но злость никуда не делась. Наоборот — стала только страшнее.

— А если бы он узнал тебя? Если бы понял, кто ты такая? Думаешь, он бы просто отпустил тебя домой? Ты подставляешь не только себя, ты подставляешь и Эвелин, чёртова ты идиотка!

Каждое слово било по мне как пощёчина.

Я заставила себя вдохнуть.

— Мне нужно поговорить с ней, — голос дрожал. — Я должна рассказать ей, что видела. Она не понимает, рядом с кем живёт

Сильвия вдруг рассмеялась.

И от этого смеха внутри всё оборвалось.

Потому что в нём не было ни капли веселья.

Только усталость. Злость. И обречённость человека, который слишком часто видел, как люди роют себе могилы собственными руками.

— Ты уволена.

У меня внутри будто что-то лопнуло.

— Что?..

— Ты. Уволена, — повторила она холодно и чётко. — С сегодняшнего дня.

— Но я не выплатила долг — прошептала я. — Я не могу уйти. Это место
Голос сорвался.

Дом.

Господи.

Какой, нахуй, дом?

Этот прокуренный бордель, где я с пятнадцати лет продавала своё тело мужикам с грязными руками и пустыми глазами.

Но хуже всего было то, что за эти годы он действительно стал единственным местом, где меня хоть кто-то ждал.

— И ты увольняешь меня только потому, что я подслушала разговор? — выдохнула я почти с отчаянием.

— Нет, зайчик, — тихо сказала Сильвия, и от её спокойствия мне стало страшнее, чем от крика. — Я увольняю тебя, потому что тебе нужно валить из этого города. Сегодня. Сейчас. Пока ты ещё можешь это сделать.

Она смотрела прямо мне в глаза.

Холодно.

Жёстко.

— Ты вообще поняла, что произошло наверху? Ланкастер только что убил сына босса Коза Ностры. Не мелкого дилера. Не шестёрку. Сына, мать его, босса. Он только что подписал себе смертный приговор.

У меня подкосились ноги.

— И не только себе, — безжалостно продолжила Сильвия. — Когда до нужных людей дойдёт, кто именно убил их мальчика, начнётся война. Настоящая. С трупами, пытками и кровью по всему Нью-Йорку. И если хоть кто-то узнает, что ты сестра жены Ланкастера, тебя разорвут первой.

Каждое её слово входило в меня медленно, глубоко, как нож.

— Так что собирай вещи и исчезай. Чем дальше — тем лучше. И сделай это раньше, чем кто-то сложит два и два.

Я больше не могла стоять.

Ноги подломились, и я медленно осела на пол, чувствуя, как всё внутри начинает разваливаться.

Перед глазами плыло.

Но даже тогда я думала не о себе.

Только об Эвелин.

Она не понимает.

Она вообще не понимает, за кого вышла замуж.

Я подняла голову и услышала собственный голос будто со стороны:

— Хорошо. Я уеду.

Сильвия долго смотрела на меня, словно пыталась понять, верит ли мне хоть сама.

Я медленно вытерла мокрые щёки и заставила себя подняться на ноги.

— Но сначала я поговорю с сестрой.

И тогда я ещё не знала, что моя прежняя жизнь уже закончилась.

Глава 5

После разговора с Сильвией я не уехала. Не собрала вещи, не купила билет, не исчезла из Нью-Йорка, как она велела. Я сделала единственное, на что тогда была способна, — начала звонить Эвелин.

Первый звонок ушёл в пустоту. Второй тоже. Третий оборвался после пары гудков. Я смотрела на экран телефона так долго, будто могла взглядом заставить её ответить, а потом снова нажала вызов. И ещё раз. И ещё.

Ничего.

Я писала ей сообщения одно за другим, курила на кухне, хотя терпеть не могла сигареты, и каждые две минуты проверяла телефон. Сначала я злилась. Потом начала бояться.

Потому что между нами никогда не было такой тишины.

Проходили дни. Я ездила к дому Херстов, спорила с охраной у ворот, орала её имя через кованный забор, но меня не пустили даже на подъездную дорожку. А потом я увидела её в светской хронике — красивую, улыбающуюся, с ладонью на руке Джона Ланкастера, будто никакой ссоры между нами никогда не было.

И тогда внутри меня что-то окончательно надломилось.

Она выбрала его.

В тот вечер я почти собрала сумку, чтобы уехать к чёртовой матери из этого города, когда телефон внезапно зазвонил.

Номер был скрыт.

У меня сердце рухнуло вниз ещё до того, как я ответила.

— Алло?

Сначала была только тишина. Тяжёлая, рваная, наполненная каким-то шорохом ветра и её дыханием. А потом я услышала голос Эвелин.

Слабый.

Дрожащий.

Такой тихий, будто каждое слово причиняло ей боль.

— Эш

Я вскочила так резко, что стул с грохотом улетел в стену.

— Эвелин?! Господи, где ты?! Что случилось?!

На том конце послышался судорожный вдох, а потом тихий всхлип.

— Пожалуйста приезжай

У меня внутри всё похолодело.

Она назвала место за городом. Старую лесную дорогу возле заброшенного карьера, куда обычно приезжали только подростки тусоваться и бухать .

А потом связь оборвалась.

Я не помню, как выбежала из квартиры. Помню только красные светофоры, по которым неслась не тормозя, собственные руки, намертво вцепившиеся в руль, и ужас, который рос внутри с каждой минутой.

Чем дальше оставался город, тем темнее становилась дорога. Фонари закончились быстро. Остались только лес, редкие дорожные знаки и узкая полоса асфальта, разрезающая чёрную пустоту.

Когда машина свернула на грунтовку, колёса начали вязнуть в мокрой земле после недавнего дождя. А потом я увидела её.

Сначала — светлое пятно среди леса.

Потом кровь.

Тёмную. Почти чёрную в свете фар.

Она тянулась по влажной земле рваными разводами, впитывалась в грязь, листья и корни деревьев. Рядом валялась её сумка с вывернутым содержимым, в нескольких метрах — один каблук, сломанный почти пополам. Ветки кустарника были примяты, будто здесь кого-то тащили силой.

Я вылетела из машины ещё до того, как двигатель заглох.

— Эвелин?!

Голос сорвался.

Лес встретил меня влажной тишиной. Где-то далеко шумела трасса, но здесь, между деревьями, всё казалось мёртвым.

Я побежала вперёд, спотыкаясь, и чуть не рухнула на колени, когда наконец увидела её в кустах.

Эвелин лежала на боку. Светлое платье было разорвано почти до талии, кожа на ногах содрана, колени и ладони в грязи. Волосы спутались и прилипли к лицу, а на шее темнели синяки от пальцев.

Под рёбрами расплзлось огромное кровавое пятно.

Сначала я даже не поняла. Потом увидела рану.

Пуля.

У меня внутри всё оборвалось.

— Нет нет, нет, нет

Я рухнула рядом с ней на колени и схватила её за лицо дрожащими руками. Кожа была ледяной. Настолько ледяной, что меня прошибло паникой сильнее, чем вид крови.

Эвелин с трудом открыла глаза.

И я чуть не завyla от того, каким пустым был её взгляд.

Не человеческим.

Так смотрят люди, которых уже сломали окончательно.

— Эшли — выдохнула она едва слышно.

— Я здесь, слышишь?! Я здесь! Господи

Я попыталась поднять её, но замерла, потому что не понимала, как это сделать так, чтобы не причинить ей ещё больше боли. Куда подхватить. Как держать. Стоило мне только осторожно просунуть руку ей под спину, как Эвелин тихо простанала, и я тут же опустила её обратно, чувствуя, как меня начинает трясти.

— Прости прости я не знаю Господи, я не знаю, как тебе помочь

Кровь уже пропитала мои руки, джинсы, рукава куртки. Она была повсюду. На траве. На её волосах. На моих пальцах.

Я дрожащими руками достала телефон и набрала 911.

— Девять-один-один, что у вас случилось?

— Пожалуйста быстрее — у меня голос ломался на каждом слове. — в неё стреляли она истекает кровью

Я пыталась объяснить адрес, путалась, задыхалась, смотрела на Эвелин, которая едва дышала, и чувствовала, как внутри меня нарастает паника.

А потом диспетчер спросил:

— Мис, кто стрелял?

И в этот момент всё внутри резко похолодело.

Я посмотрела на свои руки. Они были полностью в её крови. На мне — её кровь. Я одна с ней ночью в лесу. Без свидетелей. Без камер. Без никого. И до меня вдруг дошло с такой силой, что стало трудно дышать.

Если она умрёт до приезда полиции, первой подозреваемой стану я. И не важно что произошло.

Меня накрыло настоящим ужасом.

Не тем детским страхом перед темнотой, а взрослым, ледяным кошмаром, от которого немеют пальцы и перестаёт нормально работать голова.

— Эш

Я тут же сбросила вызов и наклонилась к ней.

— Я здесь. Я здесь, Эви пожалуйста только держись

Она смотрела на меня мутными глазами, а по её щекам текли слёзы.

— Мне страшно

У меня внутри всё разорвалось.

Я осторожно прижала её к себе, стараясь не задеть рану, и почувствовала, как её тело дрожит от боли.

— Всё будет хорошо, слышишь? Сейчас приедет скорая. Ты только не закрывай глаза. Только не смей

Она слабо качнула головой.

Потом посмотрела на меня так странно, будто пыталась запомнить. И едва слышно прошептала:

— Ты была права

У меня внутри словно что-то рухнуло.

— Нет. Нет, не надо. Не говори так. Пожалуйста

Она попыталась вдохнуть, но вместо этого закашлялась кровью.

И вот тогда я поняла по-настоящему.

Она умирает.

Прямо сейчас.

Прямо у меня на руках.

Меня прорвало.

Я плакала, кричала, пыталась зажать рану руками, хотя кровь всё равно просачивалась сквозь пальцы. Снова пыталась поднять её, дотащить до машины, спасти хоть как-то, но у меня не хватало сил даже нормально удержать её тело.

Я впервые в жизни чувствовала себя настолько беспомощной.

Будто кто-то вспорол мне грудную клетку и заставил смотреть, как умирает единственный человек, которого я по-настоящему любила.

Пальцы Эвелин, которыми она держалась за мою куртку, начали слабеть.

— Нет.

Я схватила её лицо обеими руками.

— Нет! Эвелин! Смотри на меня! Эви!

Никакой реакции.

Только ветер в деревьях.

Мои всхлипы.

И кровь.

Господи, сколько же там было крови.

Я закричала так, что где-то над лесом вспорхнули птицы. Кричала, прижимая её к себе, раскачиваясь вместе с её телом, уже понимая то, что мозг всё ещё отказывался принять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.